

Виталий КОВАЛЕВ

ОДИН ДЕНЬ БЕГУНА НА ДАЛЬНЮЮ ДИСТАНЦИЮ

Рассказ

1. Новая жизнь

Красно-синий мяч выкатился на середину двора и остановился у навеса, под которым в три яруса были сложены доски. Я раскрыв окно и, оглядев двор-колодец, попытался заглянуть за парпет, но так никого и не увидел. Но я тут же ощутил запах сосновых досок, а когда в доме напротив приоткрылось окно, блеснув стеклом на солнце, и послышалось хлопанье крыльев птицы, взметнувшейся в ярко-голубое небо над нашим двором, мне захотелось поскорее выйти из дома.

Родители, уезжая на весь день к друзьям в соседний город, оставили для меня на столе завтрак, но я едва притронулся к нему и, быстро одевшись, поспешил к двери.

Долгое время мне не доверяли ключ от квартиры, поэтому, придя из школы, мне приходилось час, а то и два сидеть на подоконнике нашей лестничной площадки. Прислушиваясь ежедневно к звукам шагов по лестнице, дыханию и еще чему-то неуловимому, я научился узнавать жильцов нашего дома, прежде чем они доходили до моего лестничного пролета. А так как все они еще и заговаривали со мной, то уже по отдаленному звуку их шагов я чувствовал их настроение.

Так и теперь по шаркающим звукам, доносящимся снизу, я понял не только то, что это Николай Викентьевич, наш сосед, спускается за утренней газетой, но еще и то, что он сейчас приостановился и пытается вспомнить — закрыл ли он входную дверь на ключ.

— А, это ты, — обернулся он и, чуть пошатнувшись, схватился за перила. — Здравствуй!

— Здравствуйте, Николай Викентьевич! Вы осторожнее, внизу ремонт уже начали делать. Там кирпичи лежат.

— Да-да, — говорит он в раздумье, словно не слыша меня. — Вот не помню, закрыл ли я дверь?

— Вы закрыли ее. Я слышал, как звенели ваши ключи.

Виталий Васильевич Ковалев родился в 1957 году. Окончил Рижскую художественную школу имени Яна Розенталя и Латвийскую государственную академию художеств имени Теодора Залькална (отделение книжной графики). С 1981-го по 1991 год работал главным художественным редактором в издательстве «Zinatne» Академии наук Латвийской ССР. Публиковался в журналах «Eva & Adam» (Латвия), «Волга XXI век» (Саратов), «West/East» (Лос-Анджелес, Калифорния), «Приокские зори» (Тула), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Зарубежные задворки» (Дюссельдорф), «Дальний Восток», «Кольцо А» (Москва) и др. Живет в г. Юрмале.

— Да. Ну, конечно же... А я газету иду купить и за свет заплатить. Все время день и число забываю. Какое сегодня число?

— Второе июля.

— Тысяча девятьсот шестьдесят шестого года, — послышался сверху голос.

Я оглядываюсь и вижу Изьку, спускающегося по лестнице. Вот уж кто умеет ходить беззвучно!

— Изя! — улыбнулся ему Николай Викентьевич и, чуть помедлив, спросил: — Так вы что, все-таки уезжаете?..

— Уже через три дня.

— Как быстро, — покачал головой старик.

Изя спустился еще на несколько шагов и, подтолкнув меня локтем, кивнул на синий альбом с марками, зажатый под мышкой.

— Ну что ж, — проговорил Николай Викентьевич, глядя на нас. — Вы-то хоть... Вы хоть не стреляйте друг в друга, если вдруг... встретитесь...

Он не смог договорить, а только стоял, еле сдерживая слезы, которые уже показались на его глазах. А мы с Изькой улыбнулись, глядя на него, и было мне неловко от этих его слов.

Оказавшись во дворе, Изя заговорщически кивнул в сторону навеса, и я его сразу же понял. По доскам мы забрались под самую крышу. Тут было наше убежище, куда Изя принес свой старый полушубок, чтобы нам мягче было сидеть на свежеструганых досках.

— Гляди, этот альбом могу тебе оставить, — сказал он, протягивая мне альбом. — Тут у меня серия известных, выдающихся людей. Можешь ее продолжить. Вчера я в киоске видел хорошую марку — Рихард Зорге. Когда-нибудь, знаешь, какая ценная будет!

— А кто это?

— Советский разведчик. Его японцы сожгли в паровозной топке.

— Я куплю сегодня. А тебе не жалко альбом отдавать?

— Я новый начну, — махнул Изя рукой. — И вообще, ты знаешь, мы ведь с собой столько всего возем!.. Мы даже паркет возем.

— Да брось!

— Точно. Так что мне всего этого совсем не жаль.

— А книги? У вас ведь столько книг!..

— Самое ценное мы берем, но в основном родственникам раздали... Да ты что? — хлопнул он меня по плечу, заметив, что я загрустил. — Давай закурим на прощание.

Я достал из нашего тайника коробку с кубинскими сигарами, которые продавались почти в каждом киоске и так очаровывали меня красивой картинкой, изображающей табачную плантацию, небо с редкими облачками и далекие горы.

— Знаешь, как сигары делают? — спрашивает Изя, проводя сигарой у носа и вдыхая ее аромат. — Кубинки скручивают табачные листья на своих потных животах. Это очень важно! Вообще, в этом деле много тонкостей. Чувствуешь, как пахнут!

Я тоже понюхал сигару, и мне показалось, что я чувствую запах пота таких далеких и загадочных кубинок. «Эх, как же я теперь буду без Изьки! — думаю я. — С ним так интересно!»

— Память у соседа совсем никудышная, — говорит Изя, выпуская изо рта клуб дыма. — Да и вообще, старость — это ужасно!.. Какие-нибудь богачи смотрят на молодых и думают: дураки вы, дураки! Неведомо вам, что вы гораздо богаче нас. Потом только поймете это. И еще поймете, что прошляпили молодость, не радуясь ей.

— Может, ты зря ему про год сказал? — говорю я, закашливаясь от дыма. — Не стоило его обижать.

— Не затягивайся... Да он и год уже забывает. Даже то забывает, что за газетой идет, а на газете дата есть, посмотреть можно.

— Наверное, он просто хотел с нами поговорить... Слушай, Изька, а этот Израиль далеко? Тебе не грустно уезжать?

— Отсюда? — указал он сигарой на двор-колодец и усмехнулся. — Нет, конечно. Я рад, что начнется новая жизнь. Ты ведь тоже, я думаю, рад, что в художественную школу поступаешь. Ты тоже распрощаешься со старыми приятелями, со старой школой, и начнется у тебя совсем новая жизнь. И друзья у тебя будут новые.

— Я и с прежними буду дружить, как и раньше.

Изя покачал головой.

— Вот увидишь и потом вспомнишь, что я тебе говорил. И все это, поверь, не грустно. Разве что через много лет взгрустнешь... А альбом этот ты продолжи. Прямо сегодня и купи новую марку. И не отдавай его никому. Я знаешь, сколько раз не обедал в школе, чтобы новые марки купить.

Он погасил сигару о доску и некоторое время сидел молча, разглядывая угасающий уголек на кончике сигары. Мы оба молчим, думая каждый о своем. Я чувствую, что мы с ним уже очень далеко друг от друга и тяготимся тем, что сидим рядом и нам впервые нечего сказать друг другу.

— Мне пора, — сказал Изя, положив затушенную сигару в коробку и решительно ее закрывая.

Он начал спускаться по лесенке вниз, и когда его лицо должно было уже скрыться за штабелем досок, в самый последний момент мы поняли, что видимся в последний раз. И тогда он посмотрел на меня, улыбнулся и сказал:

— Слышал, что нам сказали? Не стрелять друг в друга.

— Договорились.

А когда его шаги стихли и хлопнула дверь подъезда, я понял, что он ушел навсегда.

Я спустился по той же лесенке вниз и, пройдя сквозь темную подворотню, между двумя рядами круглых мусорных баков, вышел на залитую солнечным светом улицу. Я зажмурился от слепящего света, и почудилось мне, что и вправду начинается новая жизнь. Хотя все вокруг меня было прежним.

2. Солнечный зайчик

Летом город пустеет. Тихо на улице, только доносятся откуда-то с верхнего этажа звуки пианино — кто-то монотонно ударяет по клавишам, разучивая гамму. Слышится тихое воркование голубей и царапающие звуки их коготков по карнизу.

Я достал из кармана маленькое зеркальце и пустил по стене дома через дорогу юркий солнечный зайчик. Быстрым росчерком он пронесся по дому и влетел в раскрытое окно. Я жду, выглянет ли кто-нибудь, но в комнате, наверное, никого нет, и солнечному зайчику стало там скучно. Он снова скользит по фасаду дома и останавливается на большой рекламе у входа в кинотеатр. Сегодня понедельник, а значит, идет новый фильм, но сколько я ни вглядываюсь в рекламную афишу, никак не могу понять название фильма, состоящее всего из одного слова, но непонятно написанного. «Что это за слово?» — думаю я, переходя через дорогу.

«Фантомас», — читаю я, остановившись перед рекламой, и рассматриваю странное зеленое лицо, нарисованное под названием фильма. Я открыл дверь, оттянув тугую пружину, и вошел в зал с двумя билетными кассами, разделенными металлическим поручнем, но и в кассе я не вижу ни одного человека.

«Наверное, ерунда какая-нибудь», — думаю я и, скользя ладонью по прохладному металлу поручня, прохожу через зал и выхожу через другую дверь на улицу.

И тут же я сталкиваюсь с Колей, которого прежде видел только издали. Как и всегда, он идет с мамой, держащей его за руку, идет, странно приседая и постоянно оглядываясь назад. Обычно Коля что-нибудь кричит каждому человеку, которого встречает на улице, и теперь, когда я столкнулся с ним лицом к лицу, мне тут же захотелось куда-нибудь юркнуть, чтобы он мне ничего не сказал. Но было уже поздно.

Раньше я думал, что он хоть и странный, но такой же мальчишка, как и я. Но теперь я увидел, что ему лет сорок. Серая кепка на голове, из-под которой торчат серые бесцветные волосы, клетчатая рубашка, застегнутая на все пуговицы до самого верха, и коричневые рейтузы со свалывшимися катышками шерсти. Женщина, ведущая его за руку, очень полная, и идет она с таким радостным выражением лица, что тоже выглядит странно. Но позже, когда я вспоминал об этом случае, я подумал, что, может, это была и не радость, а что-то другое, что я не смог понять?..

Наши взгляды с Колей встретились, и он тут же крикнул:

— Уходи! Уходи!.. Сейчас ты все потеряешь! Уходи!..

И в этот миг, увидев перед собой на тротуаре мой солнечный зайчик, он замолчал и протянул к нему руку, как будто хотел взять его, а я чуть шевельнул зажатый в руке зеркальцем, и солнечный зайчик оказался в его раскрытой ладони.

Коля зачарованно смотрит на свет в ладони, а потом сжимает руку в кулак и засовывает ее в карман. Да, он положил солнечный зайчик в карман и пошел дальше со своей мамой, время от времени, оборачиваясь на меня, словно опасаясь, что я потребую его назад. А я стою и жду, обнаружит ли он, что в его кармане ничего нет?

И в этот момент послышался грохот, словно небо раскололось на части, но сколько я ни пытаюсь разглядеть самолет, прошедший звуковой барьер, я вижу в небе лишь желтый надувной шарик, который поднимается все выше и выше, пока не исчезает в голубой дымке.

Я помню, как однажды мы с братом кушали на кухне, окно во двор было раскрыто, и внезапно, послышался такой же точно грохот. Мы с братом посмотрели друг на друга, и, наверное, оба на какой-то миг подумали, что началась атомная война.

Слова Коли все еще звучат в моей голове, но я так и не смог понять, что же могу потерять. Почему мне надо спешить? Тем более сейчас, когда мимо движутся редкие прохожие, машин почти нет, все замерло и что все мы в прозрачной, теплой воде, пронизанной солнечным светом, на дне подводного ущелья, образованного стенами домов, словно кораллами, украшенными лепниной. Я жмурю глаза, люблюсь лучами света на ресницах, чувствую тепло на лице, груди и в том месте, где расстегнута рубашка. С кружением лучей на моих ресницах сливается аромат цветов, теплой волной донесшийся из сквера, за аркой в стене дома. Хочется так стоять, ни о чем не думать и даже не дышать.

Чья-то рука легла на мое плечо, и в течение того мгновения, когда я оборачивался, в моей голове пронеслась вереница мыслей: может, это кто-то из друзей, или я кому-нибудь загородил дорогу?..

Оглянувшись, вижу совершенно незнакомого мне человека. Он смотрит с приветливой улыбкой и говорит:

— Парнишка, ты местный?

— Да.

— Ты можешь мне ваш город показать? Я тут в первый раз и ничего не знаю...

— Нет, — отвечаю я автоматически, даже еще не успев почувствовать, что просьба его звучит странно. — Я спешу. У меня нет времени.

— Торопишься? — спрашивает он, но я не успеваю ответить, потому что слышится громкий свист, и я вижу брата, быстро идущего ко мне через дорогу.

— Что он от тебя хотел? — спрашивает брат, подходя ко мне.

Посмотрев по сторонам, я обнаружил, что незнакомого человека уже нет. «Куда же он делся так быстро? — думаю я. — Может, ушел через арку в сквер?»

— Кто это был? — спрашивает брат.

— Я не знаю. Он просил показать ему город.

— Сейчас я его догоню.

— Не надо, — хватаю я брата за руку. — Он просто спросил...

— Ладно, — говорит брат, — но ты знаешь, сколько шпаны кругом?! И у каждого по ножу. Пырнет, и не найдешь его. А если и найдут, то тебе от этого легче не станет.

— Я и не думал никуда с ним идти. Я в школьный двор иду. Там наши ребята играют... Смотри, какой альбом мне Изька подарил.

— Классно! Давай домой отнесу, а вечером посмотрим.

Я отдаю альбом брату, и некоторое время мы идем по дороге вместе.

— Сейчас я тебе что-то покажу, — говорит он. — Посмотри незаметно, там, за деревьями, видишь балкон? На балконе парень сидит в кресле-коляске. Видишь?

— Да.

— Сколько я помню, он всегда там сидит. Смотрит на улицу и не шевелится, — брат чуть помолчал, продолжая идти рядом со мной, и добавил: — Так что радуйся, что у тебя руки и ноги целы... Ладно, побегу на тренировку.

Он хлопнул меня по плечу, перебежал через дорогу и скрылся за углом дома.

Зная, что не увижу его до самого вечера, я иду дальше, поглядывая на витрины магазинов, и все раздумываю: что же мне делать в первый день летних каникул? Может, действительно пойти на школьный двор?

Навстречу мне идут две женщины, когда они поравнялись со мной, одна из них говорит:

— ...потом берешь килограмм творога, пачку масла и еще хорошо добавить...

Но они уже далеко, да и проехавшая мимо машина заглушила слова, так что я так и не узнал, что надо еще добавить. Но тут же из соседнего парадного появляются двое мужчин, и теперь я слышу их разговор:

— Понимаешь, тут срабатывает элементарный принцип домино. Костяшки падают, валят друг друга, и так по цепочке, пока не доходит до каждого из нас. И человек здесь бессилен. Это неизбежность, судьба.

— Так что же, от нас ничего не зависит? А как же свобода выбора?

— Старичок, то, что с нами происходит в жизни, зависит не столько от нас или наших желаний, а от нашего характера. Характер определяет все наши поступки. И еще все, что с нами происходит, зависит от неисчислимого множества причин и случайностей. Вон кошка перебежала улицу. От одного этого пустяка уже что-то в жизни пойдет иначе и отразится на ком-нибудь.

Я стараюсь идти как можно быстрее, до того интересно мне их слушать, но мужчины прибавляют шагу, и я отстаю от них. Остановившись на дороге, я смотрю вслед кошке, и думаю: как же это она может изменить что-то в мире? Тогда, получается, я тоже могу? Если я сейчас перейду дорогу, неужели что-то изменится в жизни?

И выждав, когда не окажется рядом машин, я перебегаю через дорогу и оказываюсь у телефонной будки с приоткрытой дверцей, откуда доносится женский голос:

— Обои, паркет, вообще, весь ремонт я им сделала, а тут еще у Маринки свадьба. Нужно столько всего успеть!.. А плитку для кухни я взяла, как у Светки. Да... Шоколадного цвета... Почему?.. Нет, совсем не мрачно. У нас же там солнечная сторона...

Мимо проезжают машины, сигналият и заглушают ее слова. На перекрестке, я замечаю газетный киоск, в котором хотел купить марку, но решаю подождать, пока от киоска отойдут двое пьяных. В тот момент, когда они заходят в подворотню, более пожилой говорит своему приятелю:

— Баб у тебя может быть сколько угодно, а мать у тебя только одна. Понимаешь?.. Они скрылись, и в этот момент из темноты подворотни, в которую они вошли, порыв ветра вынес на тротуар клочок мятой газеты.

3. На тридевятом этаже

За белым облаком, отражающимся в стекле газетного киоска, я сразу же увидел марку с портретом Рихарда Зорге. Кладу на прилавок четыре копейки, сверкающие на солнце монетки, и продавщица аккуратно отрывает марку от большого блока, после чего кладет ее на мою ладонь.

Я стою у киоска, рассматриваю первую купленную мной марку, но только положил ее в нагрудный карман рубашки, как тут же слышу свист. Из окна верхнего этажа дома мне машет Вовка, с которым мы всегда сидели за одной партой.

— Сейчас, — кричу я и, забежав в парадную, быстро бегу вверх по лестнице.

На третьем этаже я останавливаюсь у двери с потемневшей от времени латунной табличкой, на которой выгравировано «Р. Крузо». Я всегда задерживаюсь у этой таблички, которую мне так странно видеть на двери, обитой дерматином.

— Ну, где ты?! — доносится сверху.

Я взбегаю еще выше и вижу Вовку, сидящего на подоконнике лестничной площадки.

— Смотри, купил марку с Рихардом Зорге, — говорю я, усаживаясь рядом с ним на подоконник.

— У меня такая уже есть, — отвечает он и смотрит в окно. — Так ты правда уходишь из нашей школы?

— Это если поступлю в художественную. Мне ведь еще экзамены надо сдавать, — говорю я, внимательно рассматривая марку.

— Ты-то сдашь, — качает он головой. — Теперь мы уже не будем так часто видеться.

— Давай и ты поступай вместе со мной. Оба будем художниками.

Вовка улыбнулся и посмотрел в окно. Два голубя сели на карниз подоконника за нашими спинами. Они не замечают нас за запыленным стеклом, воркуют, переступают когтистыми лапками по разогретому железу карниза.

— Знакомятся, — кивает на них головой Вовка. — Видишь, как этот раздулся, крутится вокруг нее. Не шевелись, а то спугнем.

Отсюда видна вся наша улица. Машины движутся по дороге и с высоты кажутся маленькими, как спичечные коробки на колесиках, а люди, словно муравьи, бредут по тротуарам, перебегают через дорогу. Стены домов озарены солнечным светом, и я вспоминаю, как приятно ощущать ладонью тепло шероховатой поверхности стен с островками отвалившейся штукатурки. Но больше всего я люблю верхние этажи домов, особенно когда они озарены солнцем. Поблескивают оконные стекла, в них отражаются небо и проносящиеся мимо окон голуби. А по вечерам, когда верхние этажи домов становятся оранжевыми от закатного солнца и синева в небе густеет, касается сердца какое-то радостное предчувствие, словно кто-то позвал тебя так ласково, как не звал еще никто и никогда.

Придвинувшись к стеклу, смотрю вниз, в огромный двор-колодец, откуда слышатся ребячьи крики и удары мяча по стене дома. Голоса гулко звучат между стен тенистого двора, и кажется, что уносятся в голубое небо, сияющее над двором.

Три девочки сидят на лавке и ждут, когда пробегающий мимо мальчишка сделает вид, что вот-вот ударит мячом в их сторону. Тогда они визжат, закрыв лица руками, а потом им наскучивает это, и они уходят за кусты сирени играть в классики, расчерченные мелом на асфальте.

— Знаешь, а я однажды птицу подстрелил, — говорю я, глядя на воркующих за стеклом голубей. — Вот почти такую же.

— А зачем?

— Это прошлым летом было, на даче... Брат купил воздушку и сказал, что теперь можно будет охотиться на ворон, которые во дворе вишни клюют. Ну, я взял ружье и вышел во двор. На самой верхушке сосны увидел черную птицу. Подкрался, встал у самого ствола и выстрелил вверх. А птица продолжает сидеть, не шевелится. Я подумал, что промазал, хотел уйти, а птица вдруг упала на землю. Представляешь, как долго еще она сидела на ветке!

Вовка молчит, глядя на прямоугольник света, лежащий на полу, под нашими ногами.

— Это оказался дрозд, а не ворона. Я похоронил его у забора. И уже больше не стрелял.

— Хоть дрозд, хоть ворона, а жаль их!

— А как же охотники стреляют? Им что же, не жаль? И охотничьи магазины кругом.

— А вдруг Бог есть, — сказал Вовка и посмотрел на меня. — Магазины эти открыл не он.

— А ты думаешь, что он есть?

За нашими спинами послышалось хлопанье крыльев, голубка вспорхнула с подоконника и скрылась за блестящими на солнце крышами домов. Голубь, оставшись один, повертел головой, сник и казался теперь не таким уж и крупным. Он почистил перья на крыльях, вспорхнул с подоконника и, кружась по спирали, спустился во двор под нашим окном.

Внизу хлопнула входная дверь, послышались шаркающие шаги по лестнице и монотонный старушечий голос:

— Сколько же мне говорить тебе, что нельзя идти к чужим людям? Ну, почему ты такой непослушный? Не буду брать тебя с собой на прогулку. Один будешь сидеть дома. Что молчишь? Теперь молчишь, а у магазина что устроил? Мне же перед людьми неудобно, что ты такой невоспитанный.

— Пойдем гулять, — сказал я Вовке. — Ребята, наверное, в школьном дворе в футбол играют.

— Танька заболела. Сейчас в аптеку пойду, а потом с ней буду.

— А мамы что, нет дома?

— Она на работу уходит. А батя опять пьяный.

Звуки шагов по лестнице приблизились к нам, и за прутьями перил показалась старушка с маленькой белой собачкой на руках. Песик гавкнул на нас и стал быстро дышать, высунув кончик розового язычка. Он лизнул руку старушки и, широко разинув пасть, зевнул.

— Сейчас, сейчас поспишь, — погладила собачку сморщенная старушечья рука. — Вкусенького тебе дам, и отдохнем вместе... Ох, ножки мои... ножки! Столько находились!

Поравнявшись с нами, старушка строго посмотрела на нас и погрозила пальцем.

— Не балуйтесь! — сказала она.

— Да мы просто сидим, — сказал Вовка.

— А кто спички здесь жжет? Вон весь потолок в черных пятнах, и спички висят на потолке, как приклеенные. Это же надо такие художества выдумать!

Она стала подниматься еще выше по лестнице, продолжая за что-то укорять свою непослушную собачку.

— Хочешь, зайдем ко мне? — сказал Вовка, спрыгивая с подоконника. — Танька про тебя спрашивала. Что-то она опять разболелась.

В широком коридоре Вовкиной коммуналки было темно, только в самом конце, перед дверью в его комнату, лежал на полу ослепительно-яркий прямоугольник света, падавшего из окна, освещенного солнцем.

Вовкина комната знакома мне до мелочей. Справа кухонный стол, комод у стены и кровать, в которой лежит маленькая Танька. Увидев меня, она чуть улыбнулась.

Посередине комнаты круглый стол, покрытый скатертью, усеянной большими, яркими цветами. За столом, за ширмой, Вовкина кровать, а слева шкаф и большая постель, в которой лежит Вовкин отец.

Вовкина мама смущенно улыбается мне и, склонившись над кроватью, говорит ему:

— Давай я поправлю простыню. Перевернись-ка на другой бок.

— Я не могу перевернуться, — еле внятно бормочет Вовкин отец. — У меня слишком длинный...

— Ах!.. Да как же можно такое при детях! — перебивает его Вовкина мама. — Прекрати! И лежи молча!..

Танька прыскает со смеху и приподнимается в кровати, когда я, пройдя через комнату, останавливаюсь возле нее. На ее одеяле детские книжки, альбом для рисования и карандаши. Слышу, как за моей спиной Вовкин отец что-то бормочет и все порывается встать. Кажется, ему не понравилось, что я усмехнулся, глядя на него. Он вообще не любит, когда я смотрю на него. Ему кажется, что я думаю о нем что-нибудь плохое. Но зря он так думает.

— Чего это ты болеешь? — говорю я Тане. — Смотри, какая погода хорошая! Все гуляют.

— А ты не забыл, что обещал взять меня на рыбалку? — говорит она, откинувшись на подушку.

— Не забыл. Выздоровливай и пойдем.

— А это далеко? На речку?

— Нет, недалеко. Это в парке, где канал. Там можно под мостом ловить уклеек.

— Под мостом? В парке? — удивляется Таня.

— Ну да.

— А почему ты глазами так делаешь? — спрашивает Таня.

— Как?

— Широко их раскрываешь. Вот опять так сделал.

— Не знаю. Иногда хочется их широко раскрыть. Кажется, что ресницы чем-то заклеены, вот и хочется их разлепить.

— У тебя там ничего нет, — говорит она, вглядываясь в мои глаза. — Ты так не делай.

Я смотрю на Таню и решаю про себя, что никогда больше так не сделаю. И все время, пока стою возле нее, помню об этом.

— Ты давай выздоравливай. У меня только одна удочка, но мы и одной можем ловить.

— А где это — «в тридевятиом царстве»? — спрашивает вдруг Таня. — Как это — «тридевятиом»?

— Это в сказках так говорят. Это значит, что где-то очень далеко. Три царства надо пройти, а потом еще девять, и тогда придешь в тридевятое царство.

— Эта девочка, наверное, из этого, тридевятого царства. Посмотри, какая она красивая! — говорит Таня, протягивая мне большую фотографию. — Мы с девочками нашли на чердаке коробку со старинными пластинками, наверное, для граммофона. А между пластинками я нашла эту карточку со старинной девочкой.

Снимок был действительно старинный, с чуть потрепанными краями, а на его обороте стояла бледно оттиснутая дата — 1903 год. Со снимка смотрела черноволосая де-

вочка, похожая на принцессу. Взгляд ее темных глаз был очень серьезен, а одета она была в белое платье, похожее то ли на взбитую пену, то ли на раскрытые лепестки роскошного белого цветка.

— Правда, она красивая? — тихо говорит Таня. — Интересно, эта девочка стала бы со мной дружить? У меня, конечно, нет такого платья, как у нее. А у нее оно такое, что кажется, будто от фотокарточки пахнет духами!

— Пошли, — хлопнул меня по плечу подошедший сзади Вовка. — А то батя начинает расходиться.

Его отец действительно отбросил с себя одеяло и сел на кровати, спустив на пол ноги.

— Так, пусти меня к этому молокососу. Я объясню ему, как надо себя вести! — бормочет он, стараясь подняться.

— Папа, ну прекрати же! — не выдерживает Вовка, когда мы стоим уже в дверях.

Отец переводит на него мутный взгляд, и лицо его темнеет.

— Да чтобы вы все сдохли! — кричит вдруг он. — Все вы!..

— Да как же можно проклинать своих родных! — Вовкина мать не на шутку рассердилась и бьет его по плечу. — Ты что, хочешь, чтобы мы все умерли? Тебе станет лучше от этого?! Бога побойся!..

— Да ничего с вами не станет, — усмехается он. — Верите во всякую ерунду. Еще и их этому учишь.

— Это не ерунда! — кричит Вовкина мама.

— А! — машет тот с усмешкой рукой. — Все это суеверие. Дремучие вы люди!

— Не смей, говорю, детей проклинать! К тебе же самому твои проклятия и вернутся.

— А я и сам хочу сдохнуть! Прямо сейчас! Вот тут, перед вами! — кричит он и сползает с кровати.

— Папа, ну ты же взрослый человек! — чуть не плачет Вовка. — Должна же хоть какая-то мудрость появляться у человека. Где же она у тебя?..

Но его отец ничего не отвечает, он сидит на полу — худой, голый по пояс, в черных семейных трусах, на груди голубеет татуировка со словом «Вера» и расходящимися над этим именем лучами.

Мы с Вовкой идем по длинному коридору коммуналки, а из-за полуоткрытых дверей выглядывают любопытные лица, доносятся голоса, слышны детский плач и музыка из радиоприемника. Мы проходим мимо приоткрытой двери кухни, на которой что-то шкварчит на сковородке, слышатся женские голоса и смех.

Когда мы прощаемся у двери, я спрашиваю Вовку:

— А что это за Р. Крузо живет на третьем этаже?

— А, старик один. Он часто во дворе сидит, потому что не хочет один дома оставаться. Боится, вдруг сердечный приступ, а рядом никого нет. А тут хоть дети играют, голуби ходят. Вот ему и спокойнее. У него сын есть, но редко бывает. Я ему иногда покупаю что-нибудь в магазине.

Спускаясь по лестнице, я думаю о том, как хорошо было настоящему Робинзону Крузо на его необитаемом острове. Гораздо лучше, чем этому старику за дверью со звонком, в который никто не звонит.

4. В сторону одиночества

После затхлого подъезда городской воздух показался мне таким свежим, что я сделал глубокий вдох, хотя и стояла неподалеку грузовая машина с включенным двигателем. Водитель выгружает из кузова ящики с хлебом и молоком в литровых бутылках.

Ветерок доносит аппетитный аромат свежее испеченных булок. Я вошел в магазин и встал в очередь, разглядывая вертящиеся округлые витрины, заполненные белыми батонами, кирпичиками черного хлеба и карашами. Была еще и вертящаяся витрина с пирожками и булочками.

Я купил небольшую булку за шесть копеек. Хлеб еще теплый, с хрустящей корочкой. Я откусываю от булки небольшой кусочек и подхожу к витрине, в глубине которой, у самого окна, лежит на солнышке кот. Он блаженно жмурится, а когда заметил, что я остановился рядом и смотрю на него, потянулся, выпустив когти, и попытался дотянуться до меня лапой.

Я хотел уже выйти из магазина, как заметил, что седая старушка, стоявшая в очереди за мной, рассчитывается за купленный хлеб. Теперь, когда она стояла ко мне спиной, маленькая и худая, она показалась мне маленькой светловолосой девочкой, медленно отсчитывающей деньги из ладони, сложенной лодочкой.

Но ведь и эта старушка была когда-то девочкой. А может, подумал я, люди только внешне меняются, как в сказке про Иванушку, превратившегося в медведя? Все пугались его, бежали от него с криками, а внутри-то он прежний. И себя я не могу представить каким-нибудь иным, чем тот, который я сейчас. А может, в этой бабушке прячется заколдованная временем девочка? Может, она была когда-то такой же красивой, как та девочка на снимке, который показала мне Таня?

Я вышел из магазина следом за старушкой, поглядывая на ее сумку, полную продуктов. Кроме хлеба, в ней были и бутылка молока, и коробка с макаронами, и еще что-то завернутое в бумагу. Идя за ней, я думал о том, как показать, что я знаю о ее тайне? И тогда старинная девочка откликнется из глубины старушки, в которую заточена, как в башню. Но как дать ей знак?..

Я иду по улице, откусывая от булки кусочки мягкого, свежее испеченного хлеба, и раздумываю, что бы ей сказать.

— Бабушка, хотите, я помогу вам донести сумку? — выпалил я, поравнявшись с ней, и тут же мелькнула мысль: не обидится ли девочка, живущая в ней, на слово «бабушка»?

Она приостановилась и, чуть пошатнувшись, медленно обернулась. Ее взгляд был далекий и какой-то рассеянный, словно она возвращалась откуда-то издалека. Я смотрю в ее глаза и больше уже не сомневаюсь, что передо мной просто старушка. И как это мне такие глупые мысли лезли в голову!

— Я живу совсем близко, — сказала она, показывая рукой куда-то вперед по улице, — но ты очень хорошая девочка. Если хочешь, помоги мне. Спасибо тебе, подружка! Мне с тобой будет веселее.

Беря у нее сумку, я догадался, что она, наверное, плохо видит, а мой голос, особенно когда говорю по телефону, многие путают с девчоночьим. Так я и иду с ней рядом, не зная, что еще сказать.

— А ты, наверное, вон в этой школе учишься? — спрашивает она, показав рукой в сторону высоких лип, видневшихся за озаренной солнцем каменной стеной, окружающей школьный двор.

— Да. У нас каникулы начались, — отвечаю я.

— Каникулы... Да... Там, где сейчас школьный двор, раньше был парк. Играл оркестр, был фонтан, — она чуть помолчала. — Папа покупал нам с сестрой мороженое... Да, был фонтан. Я помню, как дул ветер и капли летели на нас с сестрой. Боже, сколько лет помнить этот ветер!.. Как же это странно, что я помню ветер... Но почему ты мне раньше не сказал, что ты мальчик?..

— Не знаю, — оторопел я от ее внезапного вопроса. — Я не успел.

Она замолчала. Мы идем рядом, а я думаю: как же она догадалась, что я мальчик?

— Так быстро жизнь летит! — наконец говорит она. — Семьдесят раз наступает лето, вот и вся жизнь прошла.

Старушка остановилась у двери трехэтажного кирпичного дома, стены которого мне всегда казались покосившимися. Каждый раз, когда я совмещал угол дома с фонарным столбом, стоящим на дороге, я лишний раз убеждался в этом. По фасаду дома, между кирпичами, проходила чуть заметная трещина. Часто я думал: как же люди живут в этом доме и не боятся?

— Вот я и пришла, — сказала она, взявшись за ручку двери, а я, отдав ей сумку, стою, все еще огорченный своим разоблачением. — Ты хороший мальчик, просто я стала совсем слепая. Пусть детки твои любят тебя!

Она открыла дверь в парадную, но остановилась, как будто раздумывая о чем-то.

— А ты не можешь мне еще помочь?

— Поднять сумку наверх? — спрашиваю я.

— Нет. Я живу на первом этаже. Если у тебя есть время, зайди ко мне, я хочу показать тебе кое-что. У тебя глазки хорошие, ты посмотришь...

Дверь в ее квартиру оказалась незапертой. Мы проходим по темному коридору, слева я вижу дверной проем на кухню, за оконным стеклом которой видна кирпичная стена соседнего дома. Пройдя до конца коридора, мы оказались в полупустой комнате, где я вижу лишь шкаф, кровать, маленький столик и кресло, но очень много фотографий на стенах. За окном проносятся машины и видны головы людей, проходящих по улице.

Как же она здесь живет? Ведь даже в окно она не может ничего увидеть. Что она здесь делает? О чем думает? Я попытался представить себя самого, живущего тут, и почувствовал желание поскорее уйти отсюда.

— А вы одна здесь живете? — спросил я.

— Ну, не совсем, — улыбнулась она и, подойдя к окну, склонилась над тарелкой, стоящей на подоконнике. — Посмотри, это хорошие грибы? Я вчера проходила у железнодорожной насыпи, и мальчики дали мне их. Там в траве много грибов, но я уже не вижу.

Я подошел к окну и тщательно перебрал грибы.

— Это сыроежки. Но одна червивая. Вот эта, — отодвинул я гриб в сторону.

— Хорошо, что ты посмотрел.

— А у вас есть сын или дочка?

— Сыночек, да, был... Бедный... Ни днем ни ночью не было у меня с ним покоя. Он очень пил, бедненький, из-за этого и погиб. То ли упал, а может, толкнул кто-то. Когда он умер, я и успокоилась. Теперь знаю, где он. И знаю, что ничего плохого с ним уже не случится, — она повернулась ко мне и, глядя куда-то поверх моей головы, спросила: — А ты в каком классе учишься?

— Я перешел в пятый класс.

— Ну что же, спасибо! Давай я провожу тебя. Сегодня я опять забыла закрыть дверь. А у тебя все будет хорошо... Тебе еще долго надо учиться.

— Этим летом я буду поступать в художественную школу.

— В художественную школу?! — с удивлением произнесла она. — Как это хорошо!

— Да. Мой папа тоже художник.

— Вот как! А мама у тебя кто? — она положила руку мне на плечо, словно пытаюсь что-то почувствовать.

— Мама детский доктор.

— Подожди, — сказала она. — Подожди минуточку. Я хочу тебе показать кое-что...

Мы вернулись в комнату, и она, отворив скрипучую дверцу шкафа, стала что-то искать в самой его глубине. Я подумал, не деньги ли она ищет, но когда она повернулась, я увидел в ее руках маленькую кукольную фигурку мальчика в синей курточке и черных штанишках. Волосы у него рыжие, торчащие во все стороны, и множество веснушек на бледном лице. Фигурка очень красивая, мягкая, с движущимися руками и ногами, только лицо, ладошки и черные ботиночки из фарфора.

— Когда мы были с сестрой совсем маленькие, папа любил устраивать нам сюрпризы. Он часто уезжал, а когда возвращался, то распахивал дверь и вкатывал в комнату новую игрушку — паровоз или еще что-то. А однажды он привез нам из Парижа детскую колясочку и вот этого мальчика. Я была совсем маленькая, меньше сестры, вот мне он и достался. Я назвала его Бу-Бу.

— Почему так? Какое смешное имя.

— Не знаю. Увидела его и сразу же поняла, что его зовут Бу-Бу.

Она коснулась пальцами рыжих волос куклы, взяла за маленькую ручку и приблизилась фигурку к своему лицу, пытаясь рассмотреть.

— Всю жизнь он со мной. Только в молодости забыла о нем, но прошли годы, смотрю, а он рядом. Все ушли, только он остался.

Старушка дала мне игрушечного мальчика в руки, и я обнаружил, что он очень легкий. Смотрю на его улыбающееся лицо, чувствую боковым зрением стоящую рядом старушку, и она снова кажется мне маленькой светловолосой девочкой.

— Я скоро умру, — сказала она так просто, как будто говорила о том, что скоро выйдет в магазин. — Я не хочу, чтобы он остался один в этом шкафу. Ты же сохранишь его? Не будешь обижать? Не выбросишь?

— Конечно, нет. Но вы будете жить еще очень долго.

— Я не хочу жить долго, но только ты не обижай его. Я никогда его не обижала.

— Если хотите, он будет жить у меня. И я никому его не отдам. И мы будем приходить к вам в гости.

Старушка улыбнулась.

— Да. Пусть он обязательно приходит.

У самой двери, она снова коснулась игрушки, которую я держал в руках.

— Прощай, мой хороший, — сказала она игрушечному мальчику. — Я увидеть тебя не могу!.. Беденький ты мой! Но что еще я могу сделать! Что теперь с тобой будет?! Ну... идите!..

Дверь закрылась, и я остался один на лестничной площадке. Прислушиваясь к звукам за дверью, я не услышал ее шагов. Наверное, старушка тоже не уходит. И тогда я пошел к парадной двери, выходящей на улицу, открыл ее, и тугая пружина захлопнула дверь за моей спиной, я знал, что старушка ждала этого звука и теперь она его услышала.

5. Бегун на дальнюю дистанцию

На открытом пространстве школьного двора нещадно печет солнце. Здесь, кроме меня, почти никого нет. Передо мной футбольное поле, окаймленное беговой дорожкой, площадки для игр и желтое здание школы. На липовой аллее, за которой виднеется железнодорожная насыпь, несколько девочек в цветистых платицах играют на ярко-зеленой траве. На травяной косогор падает тень от высоких деревьев. Обойдя футбольное поле, я сел на траву неподалеку от играющих девочек.

Я посадил игрушечного мальчика на свое колено и смотрю на него, придерживая за плечики. Он тоже смотрит на меня тревожным взглядом и выглядит таким расте-

рянным, как будто и впрямь боится, что я уйду, оставив его в траве. Я представил себе, как он сидит тут, пока не наступит ночь. А потом идет дождь, поднимается ветер, и шумят листья высоких лип. А за футбольным полем видна кирпичная стена чуть покосившегося дома, со светящимся окном на первом этаже, где у старушки кухня. А потом гаснет окно.

Как же трудно выдержать его испуганный взгляд! И тогда я поворачиваю его в сторону школьного двора. В первый раз я вижу маленькую фигурку со спины и замечаю теперь, что возле рукава курточка аккуратно заштопана.

Мне хочется положить ему руку на плечо и успокоить, но плечо такое узкое, что только два пальца на нем и умещаются.

— Ну, Бу-Бу, ты, наверное, никогда не видел всего этого. Но зато ты видел, когда все здесь было совсем другим. Когда был парк, и фонтан, и девочка... Но ее больше нет.

Я вижу, как по беговой дорожке неспешной трусцой бежит старик в потертом спортивном костюме. Он бежит здесь каждый день. Однажды, возвращаясь из школы, мы спросили его:

— Дедушка, а зачем вы бегаєте?

— Я хочу прожить как можно дольше, — ответил он, а потом долго еще стоял и смотрел нам вслед.

Я повернул Бу-Бу к себе, и мне показалось, что он чуть улыбается и глаза у него веселые.

— Ты, наверное, никогда еще не бегал, — говорю я ему. — Мы побежим сейчас вместе. И будем мы жить с тобой долго-долго.

Выйдя на беговую дорожку, я присел несколько раз, помахал руками, чтобы девочки, поглядывающие на меня, подумали, что я разминаюсь перед тренировкой.

И вот я бегу, чувствуя, как лицо и шею овеивает летний ветерок. В голубом небе летят облака, и несется мне навстречу пестрая гравийная дорожка, хрустит под моими ногами. А когда я смотрю на лицо игрушечного мальчика, выглядывающего из-за пазухи расстегнутой на груди рубахи, мне кажется, что он по-настоящему счастлив.